

Блаже-э-нная е-да-а!
Блаже-э-нная е-да-а!
Еда вече-е-рняя,
Блаженная, блаженная еда!

Еда вечерняя! Кто сердцу вопреки
Попросит сёмги и потребует трески?
Мы все забудем для тебя, почти за-
даром данная блаженная еда!
Задаром данная блаженная еда!

Блаже-э-нная е-да-а!
Блаже-э-нная е-да-а!
Еда вече-е-рняя,
Блаженная, блаже-ННАЯ ЕДА!

— Повтори припев! — сказал Грифон.
Как бы открыл было рот, но в эту минуту вдалеке послышалось:
— Суд идет!
— Побежали! — сказал Грифон, схватил Алису за руку и потащил за собой, так и не дослушав песню до конца.
— А кого судят? — спросила, задыхаясь, Алиса.
Но Грифон только повторял:
— Побежали, побежали!
И прибавлял шаг.
А ветерок с моря доносил грустный напев:

Еда вече-е-рняя,
Блаженная, блаженная еда!

Он звучал все тише и тише и, наконец, совсем смолк.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ КТО УКРАЛ КРЕНДЕЛИ?

Червонный Король и Королева сидели на троне, а вокруг толпились остальные карты и множество всяких птиц и зверюшек. Перед троном стоял между двумя солдатами Валет в цепях. Возле Короля вертелся Белый Кролик — в одной руке он держал трубу, а в другой — длинный пергаментный свиток. Посередине стоял стол, а на столе — большое блюдо с кренделями. Вид у них был такой аппетитный, что у Алисы прямо слюнки потекли.

«Скорее бы кончили судить, — подумала она, — и подали угощение».

Особых надежд на это, однако, не было, и она начала смотреть по сторонам, чтобы как-то скоротать время.

Раньше Алиса никогда не бывала в суде, хотя и читала о них в книжках. Ей было очень приятно, что все почти здесь ей знакомо.

— Вон судья, — сказала она про себя. — Раз в парике, значит судья.

Судьей, кстати, был сам Король, а так как корону ему пришлось надеть на парик (посмотри на картинку, если хочешь узнать, как он это сделал), он чувствовал себя не слишком уверенно. К тому же это было не очень красиво.

«Это места для присяжных, — подумала Алиса. — А эти двенадцать существ (ей пришлось употребить это слово, потому что там были и зверюшки, и птицы), видно, и есть присяжные».

Последнее слово она повторила про себя раза два или три — она очень гордилась тем, что знает такое трудное слово; немного найдется девочек ее возраста, думала Алиса (и в этом она была права), понимающих, что оно значит. Впрочем, называть их «присяжными заседателями» также было бы верно.

Присяжные меж тем что-то строчили на грифельных досках.
— Что это они пишут? — шепотом спросила Алиса у Грифона. — Ведь суд еще не начался...

— Они записывают свои имена, — прошептал Грифон в ответ. — Боятся, как бы их не забыть до конца суда.

— Вот глупые! — громко произнесла Алиса негодующим тоном, но в ту же минуту Белый Кролик закричал:

— Не шуметь в зале суда!

А Король надел очки и с тревогой посмотрел в зал; видно, хотел узнать, кто шумит. Алиса замолчала.